

«ИЗ АФРИКИ». УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

А.Ю. Калистратов

Аннотация. Объектом исследования являются ранее не рассматривавшиеся аспекты колониализма: ментальные конструкции и перцептивные практики ординарных представителей германской колониальной администрации и образ «колониального героя». Этот культурно-исторический феномен нуждается в дополнительной, уточняющей интерпретации, что достигается при помощи анализа источников личного происхождения, в данном случае – писем домой «из Африки» младших офицеров колониальных войск Германской Восточной Африки и Германской Юго-Западной Африки в начале XX в. Рассматриваются проблемы форм и способов колонизации, причины личностных деформаций европейцев в колониях, уточняется образ германского колониального офицера в Африке, проверяется соответствие образа «истинного человека сафари» и реального его наполнения. Исследование показало, что оказавшиеся в совершенно разных обстоятельствах в Африке, но имеющие идентичное образование и сходное воспитание, младшие офицеры германских колониальных войск демонстрируют сходные особенности ментальности. Авторы источников воспринимают природу, ландшафт и население Африки как одно целое, неразделяемое поле. Перцептивные практики представлены рефлексией и редко – эмпатией. Полностью отсутствует такая сложная форма перцепции, как казуальная атрибуция, предполагающая прогнозирование поведения партнера по общению. Расширяется вывод о маргинальности германского колониализма в Африке. Будучи прямым внешним копированием (как процесс идентификации с поведением «взрослых») «британо-индийских» образцов без генетической привязки к местной культуре, германские колонии не могли решить ни одной поставленной перед ними задачи, так как были по сути своей большим игровым пространством. В этих условиях образ «колониального героя» полностью доказал свою иллюзорность и несостоятельность, что ясно следует из анализа писем «из Африки» младших офицеров колониальных войск начала XX в.

Ключевые слова: германские колонии в Африке, офицеры колониальных войск, письма домой, образ «колониального героя», перцептивные практики.

“FROM AFRICA”. LOST ILLUSIONS

A.Yu. Kalistratov

Abstract. The focus of the research are aspects of the colonialism study not considered before: mental structures and practices of ordinary perceptual representatives of the German colonial administration and an image of the “colonial hero”. This cultural and historical phenomenon requires additional, more specific interpretation. The author tries to approach this problem analyzing sources of personal origin – namely, for instance, letters home “from Africa” of junior officers of the colonial forces in German East Africa and German South-West Africa in early twentieth century. Problems of forms and methods of colonization, the reasons of personal strain Europeans in colonies, refined image of a German colonial officer in Africa, a correspondence of the “true safari’ man” image and its real content. The study showed that finding themselves in very different circumstances in Africa, but having identical education and similar training junior officers of the German colonial troops demonstrate similar mental characteristics. These junior officers perceive nature, the landscape and the population of Africa as a whole, in a non-separable field. Perceptual practices presented by reflection and rarely – empathy completely absent in such a complex form of perception, as the casual attribution, assuming forecasting the behavior of the communication partner. As foreign direct copying (as a process of identification with the “adult” behavior) “Anglo-Indian” without genetic samples linked to the local culture, the German colonies were unable to solve any of their tasks, because they were inherently a playing garden. Under these conditions, the image of “colonial hero” fully proved its illusory nature and inconsistency that is clear from the analysis of the letters “from Africa” written by junior officers of the colonial forces in the early twentieth century.

Keywords: German colonies in Africa, the officers of colonial troops, letters home, the image of the “colonial hero”, perceptual practices.

Тема европейского колониализма стала вновь актуальной в свете современного состояния человеческой цивилизации с ее экономическими, политическими и этическими глобальными проблемами. Этим обусловлен и определенный подъем в изучении колониального периода на современном этапе развития исторической науки. Появляются новые публикации и исследования, вводятся в научный оборот новые источники, идет поиск новых направлений изучения. К таковым, например, относятся исследования исторической памяти, проблемы формирования образов, устойчивых представлений и поведенческих паттернов в контексте истории и культуры. Одним из таких образов, конструирующих вокруг себя исторический процесс, являлся культурно-исторический феномен, который можно условно обозначить как «колониальный герой».

В конце XIX – начале XX вв. местом его действия была Африка, как правило, ее экваториальная и субэкваториальная часть. Европейские колонии в этом регионе были представлены владениями Бельгии, Великобритании, Португалии и Германии. Германской империи принадлежали тогда одни из самых «диких» областей тогдашней Африки – территории современной Танзании и Намибии. Черты образа «колониального героя, истинного человека сафари», можно было найти практически у всех европейских представителей в Африке – от миссионеров и ученых до плантаторов и военных. Причем последней категории это касалось в первую очередь. Как было уже отмечено выше, центральное место в современных исторических исследованиях занимает тема взаимодействия Европы и неевропейского мира в духе «Ориентализма» Э. Саида. Объектом внимания являются здесь способы действия европейской колониальной администрации в Африке. Поскольку в конце XIX – начале XX вв. она имела преимущественно военно-полицейскую сущность, интерпретация образа «колониального героя»-офицера приобретает важное когнитивное значение.

При всем богатстве современных исследований, так или иначе затрагивающих колониальный период, сохраняются своеобразные «сумеречные зоны» и даже мифы, затрудняющие процесс познания этого культурно-исторического феномена. Обратимся к некоторым из них на примере германских колоний в Африке.

1. Существует мнение, что «...германское проникновение в Заморье было связано с обманом и подкупом вождей племен, а то и с прямыми подтасовками формулировок в документах, их трактовкой в нужном для колонизаторов направлении. Грязными подарками называл немецкие средства колонизации: алкоголь, оловянных солдатиков и кастированную униформу, непригодную для германской армии, известный исследователь политики Отто фон Бисмарка по колониальному вопросу М. Хаген» [Фокин, 2004, с. 124]. Эти средства колонизации буквально связываются с африканской стороной как единственным их реципиентом. Но может ли мнение М. Хагена быть истолковано несколько шире с приложением этих «средств» и к европейской стороне межцивилизационного воздействия? Возможно, следы этого воздействия можно найти в анализе поведенческих паттернов непосредственных участников – «колониальных героев».

2. «Колониальное общество» было представлено людьми разнообразных социально-профессиональных групп. Однако «классические» (и наиболее престижные) профессии были представлены офицером, чиновником, миссионером, фермером. Именно они обеспечивали и символизировали прочность колониального уклада жизни и олицетворяли собой идею колониального фатерланда. Офицер в качестве первопроходца исследовал ресурсы колоний, устанавливал дипломатические отношения с политическими лидерами традиционного общества, управлял колониями в 80–90-е годы XIX в., когда границы гражданской и военной власти были размыты. От военного чиновника требовалось умение оперативно реагировать на события, правильно ориентироваться в расстановке сил и экстремальных ситуациях, принимать оптимальные решения, предвидеть их последствия и перспективы [Пуховская, 2001, с. 3]. В этом «колониальном ансамбле» образ офицера содержит в целом положительные коннотации состоявшегося человека, трезво оценивающего реальность, подчиняющегося приказам с долей известной самостоятельности и ведущего рациональную деятельность.

Почему же тогда в Африке с этими солидными фигурами происходили такие деформации личности, часто приводящие к случаям, описанным, например, в книге С. Линдквиста [Линдквист, 2007] (самоубийства и деменции), или в дневнике Р. Ганссера (самоубийства и алкоголизм) [Gansser, 1991]? Возможно, ответ на этот вопрос можно найти при рассмотрении психологических процессов восприятия себя самого и актуального окружения у колониальных офицеров. Иными словами, при изучении их перцептивных практик.

3. Несомненно, маскулинный образ «колониального героя» – несколько грубого, но состоявшегося и готового к испытаниям «человека сафари», соответствовал требованиям африканского дискурса. Но насколько верно утверждение о состоятельности «человека сафари» в африканских реалиях?

Образ «колониального героя» нуждается, таким образом, в дополнительной, уточняющей интерпретации. Приблизиться к решению этой задачи возможно с помощью анализа источников личного происхождения. К ним, как известно, относятся дневники (поденные записи), частные письма, мемуары современников и непосредственных участников исторического процесса. Причем важным моментом, по нашему мнению, является необходимость обращения к ментальным презентациям ординарных представителей, «людей с мест» – младших офицеров колониальных войск Германской империи. Таким образом возможно соблюсти первый принцип историзма в изложении Дж. Тоша – «уважение к ментальности эпохи» [Тош, 2000, с. 18]. Выбор этих фигур обусловлен тем, что они являлись по сути «становым хребтом колониальной администрации» – 30 % от всех европейцев в африканских колониях, а подчас единственными европейцами в округе [Gansser, 1991, s. 240], а их военно-полицейский статус предполагал власть и определенную степень самостоятельности. Объектом исследования становятся, таким образом, ментальные конструкции ординарных представителей германской колониальной администрации, в данном случае младших офицеров колониальных войск Р. Ганссера и Э. фон Шаурота, выраженные в их письмах «из Африки».

Рассмотрим эпистолярное наследие Р. Ганссера.

Рудольф Ганссер родился в небольшом швабском городе Виблинген в 1866 г. Его обучение проходило в Кадетском корпусе в Бранденбурге. В 1896 г. обер-лейтенант Ганссер начал службу в колониальных войсках Германской Восточной Африки как геодезист, а в 1900 г., после отпуска, вернулся в колонию уже гауптманом (охранных войск – Schutztruppe) для командования ротой и округом в Таборе. После увольнения с колониальной службы на свои средства предпринял кругосветное путешествие через Индию, Ост-Индию, Китай, Японию, США в Европу. По возвращении из путешествия вернулся в Вюртембергский Гвардейский пехотный полк в звании гауптмана (армии – Heer). С началом войны против гереро в качестве командира роты был отправлен в Германскую Юго-Западную Африку, где и был убит в бою 11 августа 1904 г. [Daubert, 1991, s. 3].

Обратимся к эвристическим аспектам. Письма Р. Ганссера были собраны, систематизированы и изданы его внучатым племянником Генрихом Даубертом во Франкфурте в 1991 г. Сравнение печатного текста с автографами страниц, любезно предоставленными автору г-ном Г. Даубертом, не оставили сомнения в отсутствии редакторских дополнений или последующих вставок. Лакуны в тексте были оставлены из-за невозможности разобрать слова в исходном письме. Язык письма (немецкий язык, швабский диалект конец XIX – начала XX вв.), несмотря на некоторое присутствие устаревших лексических конструкций, не составил непреодолимых сложностей в переводе.

Герменевтические аспекты: время, авторство и место создания данных исторических источников легко определились почтовым штемпелем, указанием отправителя и адресата. Цели и обстоятельства его создания тоже достаточно ясны – письма домой с места службы в Африке. Проанализировав все имеющиеся африканские письма (их 67 и еще три рапорта) Рудольфа Ганссера, можем сказать следующее.

Охваченный в письмах Р. Ганссера временной промежуток 1900–1902 гг. – небольшой, но драматичный период немецкой колониальной истории. В Германской Восточной Африке в этот момент продолжилась «фаза исследования», а точнее, освоения захваченных территорий, начавшаяся сразу после подавления арабского восстания (1889 г.) и закончившаяся восстанием маджи-маджи (1902 г.), которое стало следствием неосмотрительной эксплуатации туземцев на плантациях и усиливающегося налогового гнета.

В эпистолярном наследии Ганссера представлены практически все фигуры колониального дискурса. Это и исследователи, миссионеры, торговцы, как туземные с их постоянными жалобами на несправедливость, так и иностранные, господа и госпожи из плантаторского общества с вечерними сигарами, пудингом и выездами на охоту, арабы, индусы, береговые жители и «дикие, буш-негры», старосты деревень – юмбе, господа офицеры колониальных войск, служащие колониальной администрации, губернаторы и господа с Вильгельм-Штрассе Берлина [Gansser, 1991]. Так же ясно идентифицируются из исторического контекста, презентуемого

Р. Ганссером, проблемы, связанные с установлением и сохранением немецкого господства, рабочий вопрос, проблемы плантационного хозяйства, транспортная проблема (носильщики, дороги и тягловые животные), различные формы подтверждения властного статуса (построения войск, парады ко дню рождения кайзера, судебные заседания – «шаури» и приемы в административном присутствии – «барацца», беседы с «султанами»), различные формы взаимодействия с аборигенами, в первую очередь, продолжавшаяся садистская палочная практика и введение налоговой системы [Gansser, 1991].

Очевидно, что Р. Ганссер был человеком, который, с одной стороны, был тесно связан с семьей, с Отечеством и Европой, со своим предназначением, сильно чувствуя свою должностную обязанность, с другой же стороны, он придавал большое значение своей личной свободе и независимости, ради чего был готов рискнуть своей карьерой.

Обратимся к количественному анализу текстов писем и рапортов Р. Ганссера 6 февраля 1900 г. – 30 декабря 1901 г. Общее количество частных писем – 67, рапортов – 3, определений единиц анализа, под которыми понимаются законченные фразы, содержащие отражение конкретного вида перцепции, – 203.

1. Идентификация, проявляющая себя в позиционировании в сети взаимоотношений: «Я – герой, ветеран» – 81 (39,9 %), «Я – планы» – 25 (12,3 %).
2. Самопонимание как автореферентный термин, обозначающий понимание человеком себя: «Я» «+» – 13 (6,4 %), «Я» в отрицательном значении в данных письмах отсутствует.
3. Общность, связанность, группность, в контексте принадлежности к четко очерченной солидарной группе: положительное восприятие – 14 (6,9 %), отрицательное – 10 (4,9 %).
4. Социальная локализация: положительных оценок туземцев – 6 (3 %), отрицательных – 9 (4,9 %).

Восприятие иностранцев (здесь: англичан и американца) в отрицательном аспекте присутствует 6 раз (3 %), положительное отсутствует.

5. Категоризация на уровне внешних символов: «Колониальная экзотика и колониальные практики» – представлены 39 раз (19 %).

Необходимо отметить, что Р. Ганссер впервые посетил Африку в 1896–1897 гг. (13 декабря 1896 г. – 2 августа 1897 г.) как военный геодезист. Его «первоафриканские» впечатления нашли отражение в дневниковых записях. В данной статье, посвященной анализу писем «из Африки», данный источник не рассматривается. Однако стоит указать, что образы, связанные с колониальной экзотикой, в дневнике Р. Ганссера заняли первое место по праву новизны. Присутствовали многочисленные замены немецких слов аналогами на суахили: *Улейя* (Европа), *Бвана*

(господин), *биби* (госпожа, жена) и т. д. Красочно описываются пейзажи и охота. Образ «колониального героя» присутствует и даже прямо артикулируется: «я хочу стать настоящим "человеком сафари"» [Gansser, 1991, s. 146]. Второе место заняло положительное восприятие соотечественников – положительная ин-группа. Отрицательное значение групповой принадлежности может быть объяснено конфликтом с подчиненными европейцами и проявлением ревности на фоне несчастной любви. Положительное самовосприятие особенно проявилось в конце дневника, по мере приобретения его автором «африканского» опыта. Связь с домашними прослеживалась слабо, а планов на дальнейшую жизнь было чуть более 1 %. Аут-группа («местные», «иностранцы») как образ социальной локализации была также крайне мала, причем здесь присутствовали специфические определения данной категории, которые можно назвать «англицизмами» – подражание британцам в их колониях на символическом уровне еды (пудинг), английские термины и внешние проявления (одежда). Ведущими моментами восприятия Р. Ганссером во время его первого визита в Африку являлись удовлетворенность экзотикой, положительная автопрезентация [Брубейкер, Купер, 2010, с. 156] и в целом положительное восприятие «того, что М. Вебер называл *das Zusammengehörigkeitsgefühl*, т. е. чувство принадлежности друг к другу» [Брубейкер, Купер, 2010, с. 157].

Письма, отправленные уже гауптманом колониальных войск Р. Ганссером из Таборы в 1900–1902 гг., радикально отличаются от его дневниковых записей как по содержанию, так и по ведущим мотивам. Напомним, что Р. Ганссер вернулся в Африку после длительного отпуска. Колониальная экзотика больше не интересует автора. Даже охоту – сафари – он описывает не приключенчески-восторженно, как раньше во время своего первого посещения Африки, а статистически («Добыто зверей:» и дальше – номенклатура трофеев). Термин «*Улейя*» (так он называл Европу во время своего первого приезда в Африку, производя крайнее ее абстрагирование) ни разу не употребляется. Колониальные практики («*шаури*» и «*бараццы*») воспринимаются как бесконечные и повторяющиеся. Положительное восприятие как туземцев, так и присутствующих рядом европейцев приходится на первые два месяца годичного пребывания в Таборе и затем практически исчезает [Gansser, 1991]. Если в начале года тема самореализации представлена лишь своеобразной мантрой об «огромном поле деятельности и бескрайних возможностях», то с июля можно увидеть попытки реальной деятельности: заказаны буровая установка, саженцы рислинга, составлен план Новой Таборы. Но, увы, эти планы не выйдут из нулевого цикла. Оборудование было оплачено (из личных средств г-на окружного начальника Таборы, колониальная администрация отказалась компенсировать Р. Ганссеру его траты, оказавшиеся большими, чем он предполагал), прибыло в Дар-Эс Саслам, было доставлено на место, распаковано, но Р. Ганссер не использовал его – не было даже попытки собрать установку; саженцы немецкого рислинга, также купленные самостоятельно, уничтожили африканские термиты, строительство Новой Таборы до отъезда ее «архитектора» не двинулось дальше разметки территории [Gansser, 1991, s. 265].

Главное место в ментальности Р. Ганссера, уже «настоящего человека сафари», во время его второго пребывания в Африке заняли тема полной бессмысленности его здесь нахождения, бесперспективности колониальной службы при существующих порядках управления, тоска по дому и совершенное одиночество [Gansser, 1991, s. 225–270].

Возможно, обособленность автора писем от остального общества (имеется в виду европейское), его положение «в глубине Африки», отсутствие активной деятельности привели к такому кризису? Только ли это? Для ответа на этот вопрос обратимся к эпистолярному наследию другого такого же ординарного представителя колониального дискурса – обер-лейтенанта Э. фон Шаурота. Эрих фон Шаурот родился 8 июня 1874 г. и умер 29 марта 1958 г. Образование он также получил в Кадетском корпусе в Бранденбурге. После служил в Гвардейском полку в Берлине (обер-лейтенант в 1903 г.). С 1905 по 1907 г. – в колониальных войсках Германской Юго-Западной Африки при подавлении восстания готтентотов. Для Эриха фон Шаурота поездка в Африку не являлась первым в жизни «заморским» приключением. Он уже успел побывать в Китае с войсками Л. фон Трота. Посещенные по пути Коломбо и Сингапур дали ему возможность сравнивать африканскую реальность с уже известной ему экзотикой. В Африке он даже встретил сослуживцев по Китаю, например, гауптмана фон Копи [Schauroth, 2008], в роту которого он стремился попасть. Вернулся гауптманом в гвардию, а в 1913 г. предпринял путешествие в юго-западную Африку, где впоследствии поселился. С начала Великой войны пробовал пробиться к П.Э. фон Леттов-Форбеку, но был арестован и интернирован. После войны остался в Африке. Письма Э. фон Шаурота были изданы Брендом Крёмером в 2008 г. в Виндхукке [Schauroth, 2008, s. 17].

Как и в случае с письмами Р. Ганссера, с эвристической и герменевтической точек зрения эпистолярное наследие Э. фон Шаурота имеет много общего. Текст писем, написанный автором т. н. цюттерлиновским шрифтом (Sütterlin-Schripte), близким к готическому курсиву, по сведениям издателя, был разобран им при деятельной помощи г. Уве Цайзе, бывшего посла ФРГ в Намибии, и переведен в формат Word. Орфография и стиль написания подлинника были при этом сохранены. Были сохранены и оригинальные написания имен и географических названий. Язык писем, сохраненный в публикации (немецкий язык, прусский диалект конца XIX – начала XX вв.), также не составил непреодолимых сложностей в переводе. Необходимо сказать, что и Рудольф Ганссер, и Эрих фон Шаурот не являлись явными имперскими «колониальными энтузиастами», обуреваемыми сильнейшей фантазией создать в Африке «немецкую Индию», как, например, А. фон Людериц или Г. фон Виссман [Gründer, 1999, s. 176]. Также не были они и «искателями приключений», как Р.М. Стенли, Ф. Лугард или К. Петерс [Bechhaus-Gerst, 2007, s. 17]. Они не были ни миссионерами, ни исследователями, ни конкистадорами [Daubert, 1991, s. 13]. Бесполезно искать в их эпистолярном наследии глубокие этнографические данные, как, например, у Д. Ливингстона или его немецкого коллеги М. Бюхнера [Heitze, 1999, s. 7]. Они были ординарными младшими офицерами (обер-лейтенантами)

колониальных войск – основы колониальных империй в конце XIX – начале XX вв. Будучи современниками, они получили и одинаковое образование в прусском кадетском корпусе, весьма стандартное для людей их круга. В этой объединяющих их обыкновенности – главная ценность их текстов «из Африки». Различие их заключается, во-первых, в окружающих обстоятельствах. Э. фон Шаурот приехал на войну с гереро и нама, в отличие от Р. Ганссера, не заставшего столь сильных потрясений. Во-вторых, Э. фон Шаурот сражался в колониальных войсках Германской Юго-Западной Африки, в которых полностью отсутствовали аскари [Morlang, 2008, s. 17], да, по сути, любой контакт с туземцами ближе винтовочного выстрела, а Р. Ганссер прямо и постоянно контактировал с большим количеством туземцев, причем иногда местные жители составляли единственный круг его общения. В-третьих, в своих письмах Э. фон Шаурот, в отличие от Р. Ганссера, обильно использовавшего туземную лексику, не употребляет экзотических слов – единственными немецкими (на голландском (и африкаанс)) словами являются *орлог* – война (и вооруженные силы вообще), *пад* – тропа, путь, *бондель* – отряд. Ими Э. фон Шаурот постоянно заменяет соответствующие немецкие термины, показывая отличие местного восприятия этих явлений от «домашних». Вообще, Эрих фон Шаурот писал более экспрессивно, чем Рудольф Ганссер, часто использовал обороты «чертовски», «дьявольски здорово», «ужасная радость – пришли письма из дома!» [Schauroth, 2008, s. 43], «комично» [Schauroth, 2008, s. 35]. Ранние письма полны бравады, когда война и всё, что с ней связано, всего лишь опасное приключение [Schauroth, 2008, s. 37]. Нужно добавить, что все письма начинаются «Дорогой папочка...» и заканчиваются «...твой старина Эрих». Очень часто Э. фон Шаурот сравнивает свое состояние с детскими восприятиями: «жду писем так, как когда был маленьким ждал рождественских подарков» [Schauroth, 2008, s. 47]. Количественный анализ писем Э. фон Шаурота (общее количество записей 37, определений единиц анализа 314) дал следующие данные:

1. Идентификация, проявляющаяся в позиционировании в сети взаимоотношений: «Я – герой, ветеран» – 7 (2,2 %), «Я – дом» – 30 (9,6 %). Категория «Я – планы» не обнаружена.
2. Самопонимание как автореферентный термин, обозначающий понимание человеком себя: «Я» «+» – 49 (15,6 %), «Я» в отрицательном значении в данных письмах также отсутствует.
3. Общность, связанность, группность, в контексте принадлежности к четко очерченной солидарной группе: положительное восприятие – 73 (23,2 %), отрицательное – 0.
4. Социальная локализация: положительных оценок туземцев – 32 (10,2 %), отрицательных – 22 (7 %).

Восприятие иностранцев (здесь: англичан) в отрицательном аспекте присутствует 12 раз (3,8 %), положительном – 11 (3,5 %).

5. Категоризация на уровне внешних символов: «Колониальная экзотика и колониальные практики» – представлены 65 раз (20,7 %).

В данном случае можно с уверенностью сказать, что превалирующей является категория «Мы +» с присутствием выраженного ин-группового фаворитизма, что подтверждается частыми характеристиками своих боевых товарищей в превосходной степени. Практически отсутствуют персонифицированные упоминания нижних чинов колониальных войск, по национальности тоже немцев. Аут-группа представлена как туземцами (гражданским), так и «людьми орлога» – готтентотами-комбатантами. Причем соотнесение своей личности к последним демонстрируется бóльшим признанием их превосходства в военном деле (данные случаи пересекались с подкатегорией «Мы –» и засчитаны только единожды), чем отрицательными коннотациями их образов («ворье, свинские бандиты, подлецы»). Категория «иностранцы» представлена практически только англичанами, некоторая зависть к их колониальной системе нивелируется частыми упреками в отказе помочь немцам в общем деле колонизации Африки. Буры отнесены к категории «Местные» – автор писем рассматривает их как «полукровок» (sic!). Если первое место в письмах Э. фон Шаурота занимает «группность», то второе – колониальные практики, что неудивительно, т. к. для реципиентов информации это и является экзотикой. В целом, в своих письмах Э. фон Шаурот демонстрирует весьма положительную тенденцию в социальной идентичности, но исключительно обусловленную включенностью в достаточно узкую и дифференцированную солидарную ин-группу: господ-офицеров конкретного подразделения охранных войск, ведущего боевые действия. Стремление к позитивной «Я-концепции», и в данном конкретном случае к образу «колониального героя», по нашему мнению, также обеспечивается этим исключительным условием.

Проведенная интерпретация текстов ординарных представителей германской колониальной администрации в лице Р. Ганссера и Э. фон Шаурота, количественная часть которой представлена в данной статье, позволяет сказать следующее: несомненно, что европейский колониализм конца XIX в. имел важные отличия от периода Великих географических открытий. В первую очередь это касается военнотехнического превосходства Европы над всем остальным миром. Паровые суда и скорострельное нарезное оружие фабричного производства делали это превосходство практически абсолютным. Но не менее важными были и изменения ментального аспекта (грамотность, распространение образования, средства массовой информации). Применительно к процессу колонизации в XIX в. это привело, в том числе, к появлению расизма. В этой атмосфере формировались образы, модели восприятия. Несомненно, что авторы рассмотренных источников, имевшие идентичное образование, полученное в прусском кадетском корпусе, были носителями этих образов, а будучи офицерами колониальных войск, имели возможность оперировать ими на практике, создавая вокруг новую реальность. Исследование показало, что в рамках колониального, подчеркнем особо, африканского, дискурса, несмотря на указанные персональные различия, и Рудольф Ганссер и Эрих фон Шаурот,

прибыв в Африку, демонстрируют сходные особенности их ментальности. Ведущей перцептивной практикой является рефлексия, но нужно отметить, что авторы источников воспринимают природу, ландшафт и население Африки как одно целое, неразделяемое поле. Присутствуют частые отсылки к образам, усвоенным в юношестве и детстве, которые в свою очередь приводят чаще всего к аттракции, реже к эмпатии в повседневных социальных взаимодействиях. Случаи симпатии единичны (на уровне статистической погрешности) или практически отсутствуют. Полностью отсутствует такая сложная форма перцепции, как казуальная атрибуция, предполагающая прогнозирование поведения партнера по общению – ни в том, ни в другом случае она не зафиксирована. Можно выделить и еще одну интересную и важную особенность. В колониальном дискурсе ясно присутствует феномен «имперского (колониального) героя», внешне выглядящего весьма аттрактивно: трубка с высушенным чаем вместо табака, одежда, висящая лоскутами, карабин на плече и пробковый шлем на голове – настоящий «человек сафари, которому свойственны лишь опасности и лишения» [Gansser, 1991, s. 147]. Именно в таком, новом, привнесённом образе старательно презентовали себя авторы писем. Также весьма характерно, что они рефлексивно демонстрировали источник этого образа – книги, прочитанные в детском и юношеском возрасте. Оказавшись в Африке и увидев внешнее соответствие окружения их ранним образам, германские офицеры колониальных войск «включились» в них, приняв эти правила. При отсутствии событий, которые в теории дискурса называются «смысловым прорывом», главным правилом этой деятельности является не столько достижение практически полезного результата, сколько сам процесс. Иными словами, это правила игры. Как известно, для данного вида человеческой деятельности характерна определенная двойственность – процесс реален и вместе с тем носит отвлеченный от «настоящей» жизни характер. В германских колониях это подкреплялось, например, наличием колониальных денег, имеющих ценностное значение только в пределах данной территории или, если угодно, игрового пространства. Служба в колониальных войсках засчитывалась в «настоящий» стаж с сохранением звания и выслуги лет только при условии экстраординарных действий (например, обращение за протекцией) [Gansser, 1991, s. 241]. То есть тоже была «не настоящей». Для игры также свойственна пассивность и «страдательность» объекта, к которым в данном случае можно отнести туземное население и, в первую очередь, солдат – аскари. Полностью отсутствует их персональное описание, не указываются их имена. Поэтому неслучайно в рассмотренных перцептивных практиках авторов рассмотренных писем отсутствует казуальная атрибуция – игрушка не может действовать самостоятельно. Игра обладает еще одним качеством: она позволяет быть беззаботным и отчасти безответственным. Военно-техническое превосходство Европы давало исключительную возможность для подобного поведения. При «нормальном» течении событий описанная нами деятельность германских офицеров колониальных войск становилась ведущей, а порой и единственной, что не могло быть незамеченным местным населением. Выскажем предположение, что приведенная в статье А.Б. Давидсона [Давидсон, 2001, с. 235], посвященной книге Дж. Кутзее, народная африканская песня, сравнивающая европейца с неразумным ребенком,

который только играет, увы, не лишена оснований. Таким образом, рассмотренные нами источники позволяют сделать вывод о несостоятельности образа «колониального героя» и реальности.

1. Маскулинность, солидность и ответственность как внешние требования к носителю этого образа не имеют подтверждения результатами значимой деятельности у таких среднестатистических фигур, как Р. Ганссер и Э. фон Шаурот. В их социальных практиках преобладают процессы, а не результат. Их образы «колониального героя» демонстрируют признаки игрового феномена, указанные Й. Хейзингой [Хейзинга, 1997, с. 21] в его труде «Homo Ludens»: свободное действие, обособленное пространство, определенные правила, успех, ментальное объединение игроков, соревновательный момент, влияние на самооценку, эмоциональность. Все эти компоненты присутствуют в рассмотренных нами источниках. Причем характерно, что наличие «со-игроков» обязательно для успешности и образа «истинного человека сафари», недостаток или почти полное отсутствие европейцев, даже необязательно соотечественников, как в случае Р. Ганссера во время его вторичного появления в Африке, ведет к краху всей указанной деятельности.

2. Основной причиной девиаций поведения у европейцев в Африке, по нашему мнению, является диссонанс предписаний колониального дискурса в контексте искусственного образа «колониального героя» и действительности. Пока есть удовольствие от новизны ситуации, от новых колониальных практик в «игровом пространстве», поведение и восприятие реальности соответствуют европейской «норме». При затягивании процесса или его конфликта с реальностью развивается либо депрессия (и как возможное следствие – алкоголизм и суицид), либо начинает развиваться патология (психопатия, садизм) [Линдквист, 2007]. Самый же распространённый ход следующих событий – бегство обратно, в «настоящую» жизнь (обратный эскапизм), эта тенденция ясно видна в последних письмах «из Африки» Р. Ганссера и Э. фон Шаурота.

3. Что касается тезиса М. Хагена о подарках Африке «оловянных солдатиков», то ими были сами аскари, как и прочие туземцы, «включенные» в европейскую колонизацию, но составляющие необходимый игровой инвентарь. В рассмотренных нами источниках туземцы присутствуют главным образом (исключение – в рамках статистической погрешности) именно в этом качестве. Что касается аскари, подчиненных Р. Ганссеру, то они присутствуют лишь в виде цифр. Неслучайно, что почти на всех фотографиях аскари либо маршируют в ногу, либо стоят «на караул» в совершенно стереотипных позах, исключающих всякую индивидуальность. Как набор оловянных солдатиков. Необходимые для совершения реальных действий в интересах европейцев, они находились в положении «страдательных, пассивных» фигур. То, что они были живыми людьми, минимизировалось «в норме» путем законодательных запретов и ограничений, материальной дискриминацией, например, в случае «солдатиков» – путем запрета доступа к современному оружию. При девиации поведения европейца эта минимизация приобретала форму патологии, чаще всего – садизма. Германский колониализм был маргинален не только по

экономическим, политическим и социальным аспектам [Буталий, 2010], но и по самой сути. Будучи прямым внешним копированием (как процесс идентификации с поведением «взрослых») «британо-индийских» образцов без генетической привязки к местной культуре, германские колонии не могли решить ни одной поставленной перед ними задачи, так как были по сути своей большим игровым странством. Столкнувшись с реальностью, ординарные представители германской колониальной администрации, в данном случае младшие офицеры колониальных войск Р. Ганссер и Э. фон Шаурот, и это видно из их писем «из Африки», убедились в иллюзорности и фантазийности столь привлекательного ранее образа «колониального героя».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Буталий С.В. Германия и Юго-Западная Африка: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010. 256 с.

Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности». Цит. по: Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма / под ред. И. Ерасимова, М. Могильнер, А. Семенова. М.: Новое издательство, 2010. 428 с.

Давидсон А.Б. Что это? Предупреждение миру? // *Иностранная литература*. 2001. № 12. С. 229–237.

Линдквист С. Уничтожьте всех дикарей / пер. с шведск. М.: Европейские издания, 2007. 192 с.

Пуховская Е.Ю. Колониальная идея в кайзеровской Германии: замыслы и воплощение: дис. ... докт. ист. наук. Иркутск, 2001. 295 с.

Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь Мир, 2000. 296 с.

Фокин С.В. Колониальная политика Германии в 1871–1941 гг.: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.15. М., 2004. 424 с.

Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.

Bechhaus-Gerst M. *Treu bis in den Tod: von Deutsch-Ostafrika nach Sachsenhausen. Eine Lebensgeschichte*. Berlin: Links, 2007. 208 s.

Daubert H. *“Nicht als Abenteurer bin ich hierhergekommen...” 100 Jahre Entwicklungs-“Hilfe”; Tagebücher und Briefe aus Deutsch-Ost-Afrika 1896–1902*. Frankfurt am Main: Verl. für Interkulturelle kommunikation, 1991. 322 s.

Gansser R. *Briefe aus Deutsch-Ost-Afrika 1900–1902* // Daubert H. *“Nicht als Abenteurer bin ich hierhergekommen...” 100 Jahre Entwicklungs-“Hilfe”; Tagebücher und Briefe aus Deutsch-Ost-Afrika 1896–1902*. Frankfurt am Main: Verl. für Interkulturelle kommunikation, 1991. S. 157–254.

Gründer H. *Da und dort ein junges Deutschland gründen-Rassismus, Kolonien und kolonialer Gedanke vom 16. bis zum 20. Jahrhundert*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1999. 387 s.

Heitze B. *Max Buchners Reise nach Zentralafrika 1878–1882*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 1999. 539 s.

Morlang T. *Askari und Fitafita: "farbige" Söldner in den deutschen Kolonien*. Berlin: Ch. Links Verlag, 2008. 204 s.

Schauroth E. von. *"Liebes Väterchen... Briefe aus dem Namaaufstand 1905–1906"*. Herausgeb. Brend Kroemer. Windhock: Glanz&Gloria Verlag, 2008. 143 s.

REFERENCES

Butalij S.V. *Germanija i Joug-Zapadnaja Afrika* [Germany and South-West Africa]. Krasnodar, 2010. 256 p. (in Russian).

Brubaker R., Cooper F. Za predelamy "identichnosti" [Beyond "identity"], cited by: *Myfy i zablugdenia v isutshenii imperii i nazionalizma* [Myths and misconceptions in the study of empire and nationalism]. Ed. by I. Erasimov, M. Mogil'ner, A. Semenov. Moscow: Novoye izdatel'stvo, 2010. 428 p. (in Russian).

Davidson A.B. Shto eto? Preduprezdenie miru? [What is it? Warning of world], in: *Inostrannaya literatura*. 2001. № 12. P. 229–237 (in Russian).

Lindkvist S. *Unitshtogte vech dikarei* [Destroy all the savages]. Moscow: Evropeyskiye izdaniya, 2007. 192 p. (in Russian).

Puhovskaja E.Ju. *Kolonialnaja ideja v kaiserovskoj germanii: zamysly i voploshenija* [The colonial idea in imperial Germany: ideas and embodiment]. Irkutsk, 2001. 295 p. (in Russian).

Tosh J. *Stremlenije k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika* [The pursuit of truth: aims, methods, and new direction in the study of modern history]. Moscow: Ves' mir, 2000. 296 p. (in Russian).

Fokin S.V. *Kolonial'naya politika Germanii v 1871–1941 gg.: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk: 07.00.15* [Colonial policy of Germany in 1871–1941]. Moscow, 2004. 424 p. (in Russian).

Huizinga J.H. *Homo Ludens. Stati po istorii kul'tury* [Homo Ludens. Articles on the history of culture]. Moscow: Progress-Traditsiya, 1997. 416 p. (in Russian).

Bechhaus-Gerst M. *Treu bis in den Tod: von Deutsch-Ostafrika nach Sachsenhausen. Eine Lebensgeschichte*. Berlin: Links, 2007. 208 s. (in German).

Daubert H. *"Nicht als Abenteurer bin ich hierhergekommen..." 100 Jahre Entwicklungs-"Hilfe"; Tagebücher und Briefe aus Deutsch-Ost-Afrika 1896–1902*. Frankfurt am Main: Verl. für Interkulturelle kommunikation, 1991. 322 s. (in German).

Gansser R. Briefe aus Deutsch-Ost-Afrika 1900–1902, in: Daubert H. *“Nicht als Abenteuerer bin ich hierhergekommen...” 100 Jahre Entwicklungs-“Hilfe”; Tagebücher und Briefe aus Deutsch-Ost-Afrika 1896–1902*. Frankfurt am Main: Verl. für Interkulturelle Kommunikation, 1991. S. 157–254. (in German).

Gründer H. *Da und dort ein junges Deutschland gründen-Rassismus, Kolonien und kolonialer Gedanke vom 16. bis zum 20. Jahrhundert*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1999. 387 s. (in German).

Heitze B. *Max Buchners Reise nach Zentralafrika 1878–1882*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 1999. 539 s. (in German).

Morlang T. *Askari und Fitafita: “farbige” Söldner in den deutschen Kolonien*. Berlin: Ch. Links Verlag, 2008. 204 s. (in German).

Schauroth E. von. *“Liebes Väterchen... Briefe aus dem Namaaufstand 1905–1906”*. Herausgeb. Brend Kroemer. Windhock: Glanz&Gloria Verlag, 2008. 143 s. (in German).